

Мимолетное

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОСКВЕ

Княгиня Лидия Васильчикова

Лидия Леонидовна Васильчикова (урожденная княжна Вяземская). 1906

Автор этих воспоминаний, моя мать княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова, урожденная княжна Вяземская, родилась в 1886 г. в России и погибла в автомобильной катастрофе в 1948 г. в Париже. Она принадлежала к тому поколению, чья жизнь была ровно наполовину разделена революцией 1917 г. Выросшей и начавшей свою общественную деятельность в годы заката империи, ей было только 33 года, когда она вынуждена была со своей семьей покинуть родину и жить с тех пор бездомной беженкой — в 1920-х годах в Германии и Франции; в 1930-х в независимой Литве; в годы Второй мировой войны в Италии и опять в Германии.

Ее семья, Вяземские, происходили от полугендарного варяжского князя Рюрика и были удельными князьями до начала XV века, когда перешли на службу Московских великих князей. При российских императорах они продолжали играть видные роли в политической и культурно-общественной жизни страны.

Детские годы моя мать провела в Астрахани, где ее отец состоял генерал-губернатором и атаманом Астраханского казачьего войска. Когда он был назначен товарищем министра Императорского двора и главноуправляющим императорскими уделами, семья вернулась в Петербург, и ее записали в частное реальное училище, которое она закончила с золотой медалью, сочетая свое собственное образование с преподаванием в сиротских домах столицы. Лето она проводила с братьями в их любимом имении Лотарево в Усманском уезде Тамбовской гу-

бернии. Там ее отец создал образцовое опытное хозяйство и известное на всю Россию конезаводство, а сама она и ее братья были еще с детства ответственными за тот или иной сектор хозяйства, совмещая это, как в Петербурге, с преподаванием в местных школах. Этим, быть может, объясняется, почему самой главной традицией, в которой росли молодые Вяземские и которую они передали затем, даже живя за рубежом, своим собственным детям, была традиция «служения» своим соседям-крестьянам, своему народу, русской культуре.

По дороге из Петербурга в Лотарево, куда семья ездила по несколько раз в год, они обязательно проводили некоторое время в Москве, где жили многочисленные родственники, и в Марфине, подмосковном имении их любимой тетки, известной своей благотворительной деятельностью графини С.В.Паниной. Моя мать описывает «старосветскую» Москву с большой симпатией, но и с долей насмешливой иронии, с какой многие жители «Северной Пальмиры» смотрели на своих сородичей из Первопрестольной. Но будучи сама глубоко русским человеком, она их никогда не критикует, а лишь остроумно отмечает их своеобразные черты.

Во время Русско-японской войны она помогала своей матери, княгине М.В.Вяземской, которая заведовала складом Красного Креста, приобретая опыт, оказавшийся бесценным десять лет спустя, когда разразилась Первая мировая война.

В 1906 г. она провела под присмотром своей английской гувернантки два семестра в Оксфордском университете. Для молодой русской девушки ее поколения это было весьма «авангардным» шагом.

Два года спустя она вышла замуж за товарища ее братьев, князя Иллариона Сергеевича Васильчикова, Ковенского губернского предводителя дворянства, и переселилась в Литву, где находилось его семейное имение. Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, моя мать немедленно развернула кипучую деятельность по помощи раненым. В качестве организатора больничного поезда и передовых отрядов Ковенской общины Красного Креста, она оставалась с ними на фронте с краткими перерывами, чтобы родить двоих дочерей, вплоть до развала армии большевистской пропагандой летом 1917 г.

Уже в феврале 1917 г. погиб от шальной пули во время уличных боев в Петрограде ее брат Дмитрий, а в августе старший брат Борис был захвачен своими же лотаревскими крестьянами и растерзан мятежными солдатами на соседней станции Грязи, а сама усадьба Лотарево разгромлена. Незадолго перед тем моя мать работала переводчиком при британской делегации на состоявшемся в Москве Государственном совещании, за которым последовали вскоре так называемое Корниловское дело, ускоренный переход власти к левозэкстремистским силам, и в Октябре — большевистский переворот.

Пока мой отец оставался в Москве для участия в Поместном соборе Русской православной цер-

кви, моя мать перебралась с детьми в Крым, откуда в начале 1918 г. через Киев вернулась в Петербург, где ее немедленно арестовали и где ее допрашивали уже печально известным своим цинизмом Урицкий. Массовый красный террор еще не развернулся, и «за неимением состава преступления» ее через несколько дней отпустили, и она опять через Мос-

кву и Киев вернулась в Крым, где ее вскоре догнал муж. Россию семья покинула в апреле 1919 г. с британским флотом, и через Мальту переехала во Францию, где, начиная с 1925 г., осела в Париже.

Там Мама основала труппу актеров-любителей, которая со временем приобрела среди русской колонии такую славу, что знаменитые Питоёвы предложили ей постоянную работу.

С 1932 по 1940 год она провела в ставшей независимой Литве, откуда ей пришлось снова бежать опять в Германию после захвата Прибалтики СССР.

После краткого пребывания в Италии Мама переехала в Берлин. Узнав там о бедственном положении миллионов советских военнопленных, она с помощью тети, графини С.В.Паниной, работавшей к тому времени в Соединенных Штатах в Толстовском фонде, православных церковью за рубежом и таких известных промышленников русского происхождения, как авиаконструкторы Сикорский и Северский, развернула всемирную акцию помощи. Международный Красный крест в Женеве, с которым она тесно сотрудничала, охарактеризовал ее однажды так: «Горячая русская патриотка... человек бесстрашный и исключительной энергии, которая заслуживает всяческой поддержки...» Живя во вражеской стране и заручившись поддержкой ряда порядочных высокопоставленных немецких военных, несмотря на опасности и доносы (ведь политика Гитлера состояла именно не в спасении, а в истреблении русских), ей удалось к 1944 г. наладить отправку из нейтральной Аргентины нескольких пароходов, нагруженных продовольствием, теплой одеждой и т.п. Конвой уже прибыл в шведские воды, когда покровитель княгини в немецком управлении военнопленными сообщил в явном смущении, что фюрер наложил запрет. «Ничего, — сказала она, — тогда я напишу фельдмаршалу Маннергейму, и тот, наверное, согласится». Действительно, бывший кавалергард барон Маннергейм хорошо знал нашу семью еще с дореволюционных времен. В своем письме к ней он ответил, что хотя с первого дня войны советские пленные получали тот же паек, что и фин-

Княгиня
Л.Л.Василь-
чикова
(в первом
ряду)
в группе
докторов
и сестер-
милосердия
отряда
Ковенской
общины
Красного
Креста во
время Первой
мировой
войны

годы войны германскими властями было запрещено выдавать Мама выездную визу. И лишь благодаря связям ее дочери Марии (автора шумевшего теперь и в России «Берлинского дневника») она не попала в концентрационный лагерь.

Внезапная гибель моей матери застала ее еще полную планов, как дальше, в условиях мирного времени, принести пользу своим соотечественникам.

Г. Васильчиков
28.07.95.
Лондон

Полностью воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, состоящие из трех частей: «Россия», «Эмиграция» и «Вторая мировая война», — готовятся журналом «Наше наследие» к публикации в серии «Из архива семьи Васильчиковых», начатой выпуском книги «Княжна Мария Васильчикова.

Берлинский дневник 1940–1945».

Под какими разнообразными обликами я видала Москву! Начиная с мирных годов моего детства, когда еще целые кварталы сохраняли свой старинный вид и не отличались от Москвы «Войны и мира»; затем помню Москву, празднующую столетнюю годовщину Бородина и трехсотлетие Дома Романовых, и, наконец, Москву революционную.

Поговорка: «В Петербурге живем мы, а в Москве наши родственники», — в буквальном смысле слова применима ко мне. С раннего детства помню, что, проезжая через Москву два раза в год на пути в Лотарево и назад в Петербург, мы останавливались у наших родственников Вельяминовых, живших в Удельном доме на Пречистенском бульваре. Мать моей тети Ольги Вельяминовой, Дарья Александровна Беклемишева, жила в своем большом доме на Поварской. Она устраивала детские праздники, на которых мы бывали. Таким образом, в моем детском воображении Москву я себе представляла в виде тех кварталов, где находились самые типичные и красивые здания в городе: Селезневский дом на Пречистенке и Соллогубовский на Поварской.

Было, да, наверно, и сейчас еще есть, что-то особенное в облике Москвы, что выделяло ее среди других русских городов и придавало неповторимое, присущее только ей очарование. С точки зрения туристов разве не хороши были Псков, Новгород, Ярославль, Владимир и Нижний Новгород? Но если иностранцы могли их сравнивать в архитектурном и историческом отношении, то для русского человека между ними и Москвой лежала бездна. Впрочем, несправедливо было бы обобщать в этом отношении и иностранцев. Даже и они иногда чувствовали, что у Москвы душа была особенная. Помню, как мне кто-то из них сказал: «Только попав в Москву и увидав ее неожиданности и контрасты, можно себе объяснить и «la complexité du caractère russe», перед которым мы, европейцы, так часто становимся в тупик». И это сушая правда!

А жители ее, москвичи?

Отдавали ли они себе отчет, какими они были музейными экземплярами и как мы, наезжающие в Москву, их ценили и любовались ими, как законченными типами? Наверно, не понимали. Напротив того, нашу несхожесть с ними объясняли «европейщиной». «Как вам может нравиться Москва? — спрашивали они. — Ведь вы петербуржцы; у вас все по-другому, не по-русски!» И действительно, в каком другом месте на земном шаре могло случиться, что, собираясь войти в дом знакомых москвичей, вы встречаете швейцара, объявляющего, что «господа сегодня не принимают, они все ушли в баню», или «к нам нельзя, у нас полотеры». Наряду с этим у некоторых важность была непомерная, и какая-то агрессивность, впрочем, вполне добродушная, пущенная в ход только с целью показать, что умственное и духовное превосходство остаются за Москвой. Петербург означал Двор, министров, дипломатов и светских космополитов, как мы, в противовес которым выставлялась Москва, колыбель православия и хранительница русских обычаев.

Ныне, когда наше связанное с Россией прошлое кануло в Лету, с чувством глубокой нежности вспоминаю я о Москве, о всех ее особенностях и несуразностях, как-то: старомодный, почти гоголевский провинциализм некоторых ее жителей; заросшие травой дворы, в глубине которых прятались очаровательные старинные церквушки; напичканные коллекциями особняки, скрытые от любопытного взгляда густой, почти девственной растительностью, подобной сказочному лесу Спящей красавицы; какой-то особенный московский бульжник, которым были мощены даже центральные улицы; двухколесные пролетки, в которых едва помещался один человек, хотя шины на колесах были как у «роллс-ройса», и пассажира, ехавшего в ней по бу-

лыжной мостовой, словно резиновый мяч, подкидывало то вверх, то бросало вниз — все это как-то не вязалось с обилием модных магазинов, огромных современных зданий и претензией Москвы на роль столицы.

Московские церкви являли собой замечательное зрелище. Некоторые из них стояли как бы на отшибе, поодаль от людных мест, другие вдруг неожиданно возникали в конце тихой, уединенной аллеи. Эти белоснежные, увенчанные то голубыми, то зелеными, то золотыми, а то и вовсе ярко раскрашенными, разноцветными, будто леденцы, куполами церкви были одна древнее и краше другой. Рядом с величественным Храмом Христа Спасителя, воздвигнутым на народные пожертвования в память об Отечественной войне 1812 года, притаилась розовая церквушка, крохотная будто игрушечка. Она, как я полагаю, была разрушена потом вместе с храмом, чтобы освободить место для сооружения Дворца Советов, который так никогда и не был построен. Эта древняя церквушка была так прелестна, что мне трудно сейчас сказать, о чем исчезновении я сожалению больше всего — ее или самого Храма.

Была еще одна восхитительная церковь на территории Большого Кремлевского Дворца, которая была построена до того, как московские князья получили титул царей в XV веке. Ее название «Собор Спаса Преображения на Бору», по всей видимости, связано с тем, что когда-то густой лес покрывал большую часть территории нынешнего Кремля. В лесу этом было так мрачно и таинственно, что у забредшего в его чащу путника возникало ощущение, что он попал в допотопные времена. Со временем этот лес тоже исчез, а сама церковь была несколько лет назад снесена большевиками.

Я убеждена, что даже неверующие сожалеют о том, что не слышно больше в Москве звона бесчисленных церковных колоколов. В праздничные дни их перезвон сопровождал человека повсюду. А в пасхальное воскресенье, согласно древнему обычаю, любой желающий мог подняться на колокольню и ударить в колокол. Особенно это любили делать уличные мальчишки. Колокола эти были неотъемлемой частью московского пейзажа.

* * *

В Москве и вокруг нее сосредоточилась большая часть торгово-промышленных домов. Их владельцы образовали особое сословие очень состоятельных людей, называвшее себя «именитое московское купечество».

Некоторые основатели этих крупных состояний еще носили традиционную русскую одежду и сапоги. Но уже их дети получили прекрасное образование. Многие из них учились в университетах Западной Европы. Они путешествовали по всему миру. Их жены и дочери одевались в Париже. Все вместе они являли собой новый, современный, энергичный и в то же время утонченный тип москвича.

Представители этих купеческих фамилий не только играли ведущую роль в экономике. Еще более весомым было их влияние на развитие культуры и науки. Они тратили огромные деньги на создание художественных коллекций и основали ставшие ныне знаменитыми на весь мир картинные галереи и музеи, которые они вместе со своими капиталами, предназначавшимися для сохранения и пополнения этих коллекций, завешали родному городу. Среди них такие, как известная Третьяковская галерея с ее собранием русской живописи; Щукинская галерея с ее коллекцией картин французских импрессионистов; замечательные частные собрания живописи Морозова, Харитоненко, Солдатенкова, Боткина и других; собрания русских икон Рябушинского, Остроухова и Морозова; Бахрушинский театральный музей, украсивший собой пред-революционную Москву. Другой видный московский

* «сложность русского характера» (фр.)

купец Мамонтов был покровителем многих русских композиторов, чьи оперы впервые были поставлены на сцене его собственного театра. Там же многие из наиболее знаменитых русских певцов, такие, как Шаляпин, Собинов и Нежданова, начали свою артистическую карьеру. Мамонтов первым поддержал новые течения в искусстве театральной декорации, которое впоследствии удивило весь западный мир.

К концу XIX столетия «именитое московское купечество» приобрело значительный вес и влияние в обществе и активно занялось культурной деятельностью, которая до этого была привилегией российского дворянства.

Вклад московских меценатов в развитие науки был еще более весомым. Так на окраине Москвы на Девичьем поле был построен целый городок университетских клиник, оснащенных новейшим, по последнему слову науки и техники оборудованием. Своим существованием они также были обязаны исключительно московскому купечеству.

ко. Спешу добавить, что подобная классовая групповщина была типичной только для Москвы.

Для нас, жителей Санкт-Петербурга, это было совершенно непонятно. Почему, например, благовоспитанные представители именитого купечества могли быть приглашены на балы, устраиваемые в Актовом зале Дворянского собрания, но никогда их нельзя было встретить в домах самих основателей этого собрания. То же можно сказать и о самом купечестве. Купцы приглашали молодых дворян на свои балы, но никогда приглашение не распространялось на их сестер, не говоря уж о матерях. Однако с сожалением могу сказать, что даже в Санкт-Петербурге некоторые элитарные учебные заведения, а также придворные полки были недоступны купцам и их сыновьям.

Социальный снобизм в целом настолько чужд русскому человеку, что я нахожу лишь одно объяснение этому нездоровому явлению: с одной стороны, тяжел был груз старых традиций и привычек и велика сила человеческой инерции, а с другой стороны — московское

Награды и знаки, полученные княгиней Л. Л. Васильчиковой в Первую мировую и Русско-японскую войны

Благодаря тому весу, которым оно обладало в экономической и культурной жизни Москвы, оно имело полное право считать себя, по крайней мере, равным московскому дворянству и играть активную роль в общественной и политической жизни страны в целом. Однако до этого было далеко. Каждое из этих высших сословий жило в Москве собственной жизнью. Встречались они лишь по случаю, либо на приемах у московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, либо на каких-то благотворительных акциях, но чрезвычайно ред-

дворянство все больше и больше охватывало чувство незащищенности.

Когда крупнейший в истории России реформатор Петр Великий, отстаивая довольно разумную идею необходимости разделения общества на сословия, основал специальные учебные заведения для детей мелкопоместного дворянства и для тех, кого он образно называл «крапивное семя», у него и в мыслях не было оскорбить чьи-либо чувства. Просто он действовал в соответствии с уже сложившейся ситуацией. В свою очередь московские титулованные дворяне обнаружи-

ли, что в связи с укреплением позиций промышленного капитала они стали к началу XIX века утрачивать сохранявшиеся за ними даже после переноса столицы в Санкт-Петербург лидерство в культурной жизни, точно так же, как они утратили политическое лидерство двумя столетиями раньше. Чувствуя свое бессилие противостоять такому ходу событий и неумение приспособиться к ним, они с поразительной настойчивостью стали отстаивать те преимущества, которые еще сохранялись за ними. Со временем последние бастионы сословных барьеров рухнули. И последствия этого оказались настолько катастрофичными, насколько долго они сохранялись нетронутыми. Молодое поколение купцов, отнюдь не связывавшее себя с императорским режимом, относилось с большой симпатией к революционерам, и больше того, оно оказывало огромную финансовую поддержку их деятельности, их прессе и пропаганде. Получившая известность революционная школа на Капри, основанная Максимом Горьким, вплоть до своего закрытия субсидировалась одним из братьев Шукиных, основателем знаменитой коллекции французских импрессионистов, позднее отнятой у него коммунистами.

Москва,
Кремль.
Собор Спаса
Преображения
на Бору.
Фото начала
XX века

* * *

В том возрасте, когда дети обыкновенно живут своей отдельной веселой жизнью, младшее московское поколение не только интересовало политикой, но уже примыкало к той или другой стороне и враждовало между собой. Как приезжая, я пользовалась преимуществом иметь друзей в обоих лагерях и до сих пор не могу без смеха вспомнить эту ожесточенность отношений среди детей. Достаточно сказать, что враждебность сохранилась чуть ли не до войны. Моя кузина Маруся Щербатова, дочь директора Исторического музея, принадлежала к крайне правой, а дети губернского предводителя дворянства Петра Николаевича Трубецкого — либеральной партии. Когда нам было в среднем 13—15 лет, дети обеих семей неохотно встречались и питали друг к другу неприязненные чувства. Трубецкие жаловались мне на обскурантизм Маруси Щербатовой, а она называла Трубецких чуть ли не революционерами. Помню особенно острый момент, когда государю подносился одновременно адрес Александром Дмитриевичем Самариним от правых и князем Петром Николаевичем Трубецким от либералов. Сами виновники этого разделения московских детей, к тому же родственники, были гораздо умереннее своих молодых сподвижников. Впрочем, родство тут было ни при чем — так сын профессора Сергея Николаевича Трубецкого считался крайне правым, а молодой Самарин исповедывал самые прогрессивные убеждения. Последний даже считал нужным, как настоящий заговорщик, придти поздно вечером, «как Никодим в ночи», к князю Трубецкому и сообщить ему об интригах «партии папá». Сам Трубецкой, чрезвычайно миролюбивый, добродушный и дипломатичный человек, затруднялся, как игнорировать донос, не обидев доносчика.

* * *

А какие в Москве были чудные театры! Большой театр соответствовал нашему петербургскому Мариинскому. Тамашние оперные знаменитости выступали иногда и у нас, а балетные кончали Петербургское театральное училище. Поэтому, хотя москвичи со свойственным им шовинизмом, говоря о своих артистах, и повторяли неизменно «наши московские», но нас, приезжающих в Москву накоротке, тянуло не в этот театр, а в Малый Императорский и Художественный. Знаменитости Малого драматического театра, соответ-

ствовавшие нашему петербургскому Давыдову, до моих посещений театра не дожили, но помнившие их утверждали, что традиции сохранились. Они играли восхитительно, тонко, с таким чувством меры и благородством!.. Пустых аффектов мы там не видели никогда. Мы никогда не видели и того, что в общезнании называется «ум за разум» в толковании ролей. И несмотря на свое увлечение постановками Художественного театра, я вполне понимаю некоторое презрение, которое артисты Малого театра чувствовали по отношению к своим коллегам Художественного, за те внешние, дешевые «фортели», к которым они прибегали в ущерб цельности впечатления.

Правда, в искании новых путей Художественный театр подставлял свой фланг остроумным нападениям и карикатурам в театре Кривого Зеркала, подметившем и стусившем весь их преувеличенный реализм. К такому относились: заглушающая игру отдельных главных персонажей толпа, дождь, заливающий и сцену и чуть ли не всю публику, кромешная темнота в зале, и наконец совершенно лишний пафос и рычание, с которыми актер произносил самые обыденные слова, вроде: «Какая сегодня хорошая погода!». Все же Художественный театр создал новую «естественность» и художественность постановки, от которой большинство пьес положительно выиграло. Большую прелесть придавала сцене артистичность декораций и костюмов, мебели. Непривычно длинные паузы давали возможность публике насладиться этими прелестными деталями, не отвлекаясь от сюжета. Эффекты толпы были потрясающи — она действительно жила. Каждый статист имел свою роль и не ограничивался по старинному шаблону одними жестами. Это было особенно удачно в массовых сценах «Горя от ума». Если и смеялись над манерой актеров Художественного театра произносить длиннейшие монологи сплошной к публике, причем будто бы их не было слышно из-за шелкания настоящих соловьев, то нельзя было не сказать, насколько жизненнее были позы у них, чем в старинных театрах, например в парижском «Opéra Comique», где по сей день певцы свои сольные арии не поют иначе, как оборотятся лицом к публике, подняв правую руку. Световые эффекты в Художественном театре достигали совершенства, и я помню, как при постановке тургеневского «Где тонко, там и рвется», при поднятии занавеса публика неизменно аплодировала залитой солнечными лучами сцене.

* * *

В 1912 году Россия отмечала столетие победы в войне против Наполеона. Бородинские торжества были замечательно красивы и великолепны. Как сейчас помню прием царской семьи в зале Дворянского собрания. А.Д.Самарин, губернский предводитель дворянства, прочел адрес, как полагается произносить приветствия официального характера: отчетливо и скучно. Резким контрастом прозвучало ответное выступление государя. Мне много раз приходила на ум мысль о том, что Николай II при другом повороте его жизненного пути мог бы стать прекрасным оратором. У него был удивительно приятный мелодичный тембр голоса. Он говорил негромко, но его можно было услышать в любом месте огромного зала. Его интонации и паузы были настолько естественны, он так легко и красиво выражал свои мысли, что казалось, будто он импровизирует. Да, наш последний император несомненно чувствовал себя на высоте положения только во время публичных выступлений. Его легко переходящий с одного лица на другое, быстрый, не лишен-

ный лукавинки взгляд придавал особую прелесть его словам. Тут же присутствовали императрица Александра Федоровна и их пятеро детей. Ей было лет сорок, и при этом она сохраняла еще вызывавшую восхищение привлекательность. А в этот день она бесспорно была самой красивой женщиной среди присутствующих на приеме. Маленький наследник только что в очередной раз упал и ушибся. У него как всегда сразу появилась небольшая опухоль, которая мешала ему идти. Он тут же был поднят на руки каким-то казаком и унесен. Его красивое личико, однако, светилось улыбкой. Всегда, когда царевич и его четыре сестры появлялись на людях, их лица сохраняли свойственную им живость выражения. Кто мог подумать, что всего через четыре года, играя как марионетками этими самыми фигурантами: императрицей, больным мальчиком и Самариним, — революционная волна сметет их и всех нас, присутствующих, да и саму гостеприимную Москву. Но тогда мы об этом не задумывались и очень весело проводили время между пышными церковными службами и сказочными иллюминациями волшебного Кремля.

Единственно, куда я не попала, так это на само Бородинское поле. Все утро слонялась я по старым кварталам Москвы: разгар лета, жара, совсем почти пустые улицы. При игре воображения, легко себе можно было представить, что город пуст от приближения неприятеля и что сейчас не 1912-й, а 1812 год. И когда, возвращаясь домой на Поварскую, я увидела, как из двора Соллогубовского дома, с которого Л.Толстой писал дом Ростовых в «Войне и мире», потянулись подводы, надо было над собой сделать усилие, чтобы сообразить, что это не галлюцинация, не подводы с раненым князем Андреем, а просто багаж Соллогубов. Вернувшись в тот же вечер с Бородинского поля были разных мнений: одни под сильным впечатлением, другие жаловались на опереточность сцены, скорее коверкающей представление о Бородинском сражении, чем дополняющей ее. Выставлены были и очевидцы боя — 110- и 120-летние старцы, над которыми висел плакат: «Просят не утомлять внимание свидетелей Бородинского боя до прибытия Высочайших особ». С последними прибыл и дипломатический корпус. Особенное внимание оказали французам, друг друга поздравляли и обнимали. Выходило довольно-таки нелепо: не то чествовали себя, не то побежденного неприятеля. Неужели в 2014 году, на месте Маринской битвы, французы и немцы тоже будут брататься и друг друга праздновать? И если так, то стоило ли жертвовать миллионами жизней!

Многие наши родственники и друзья специально приехали по случаю этого события из Санкт-Петербурга в Москву, где мы прекрасно провели время. Развлечения и балы начинались обедами в городе, затем продолжались в загородном ресторане «Яр» и завершались пением цыган в 6 утра следующего дня. Москва славилась своими цыганами. В их песнях есть что-то такое, что находит отклик в русской душе. Я не уверена, что иностранцам нравится их гортанное пение так, как оно нравится нам. Одному из наших друзей, графу Д.А.Олсуфьеву, неожиданно пришла в голову мысль немедленно организовать «тихий вечер с Плевницкой». У нее был

камерный голос, который не годился ни для ресторана, ни для большой сцены. Поэтому он предложил пригласить ее в дом Беклемишевых на Поварской улице, где остановились мы с мужем. Так как старая хозяйка дома и ее дочь, которая приходилась мне теткой по мужу, были в деревне, мы охотно приняли это предложение. Но, к счастью, один из моих московских друзей вовремя меня остановил. Он напомнил мне, что я не в Санкт-Петербурге и что если хозяева узнают об этом «тихом вечере», то я не только испорчу с ними отношения до конца моих дней, но что хозяевам в силу их патриархальных взглядов придется потом окроплять дом святой водой.

Для меня и моих братьев Москва была еще приятна спортивной стороной. На лето наша призовая конюшня переезжала туда. Чудный беговой круг и конюшни находились в очень напоминающем французский «Maison Laffite» Петровском парке на окраине города рядом с печально знаменитой Ходынской, где во время празднества по случаю коронации последнего государя случилась ужасная давка, унесшая много человеческих жизней. Бега — это совершенно особый волнующий душу мир. В этом легко можно было убедиться на проводившемся в июне так называемом «русском дерби», на который я ездила и после своей свадьбы. Там всегда царил атмосфера праздника. Мой брат Владимир, после смерти отца заведовавший конным заводом и призовой конюшней, переселялся в Москву загодя и пропадал целыми днями на беговом круге. Мы же приезжали в самый разгар скачек, и волнения начинались задолго до приза. Вкусный завтрак в ресторане «Прага» уже еле лез в горло, и разговоры шли только о лошадях и о предположительных результатах на сегодняшний день. За всю мою жизнь не помню, чтобы в день «дерби» рано или поздно не пошел дождь, то есть почти всегда можно было ожидать непредвиденных случайностей.

Московский беговой круг и больше и красивее петербургского, да к тому же служил местом встречи для элегантной публики, особенно в парадные дни. Обыкновенно сидишь рядом со своими конкурентами, и приличие не позволяло высказывать ни своих восторгов при торжестве, ни досады при поражении. После бегов мы заезжали на конюшню и вечер завершался обедом у Яра. Как все это было беззаботно и весело, и как далеки мы были мыслями от тех ужасов, которые наступили в таком ближайшем будущем...

Книгина
Л. Л. Василь-
чикова.

1914

Вспоминаю «дерби» в 1899 году, когда бежал наш знаменитый Зенит, родоначальник славного потомства. Мы были в Лотареве, страшно весь день волновались и так и были уснаны спать, не дождаввшись телеграммы из Москвы, но добившись обещания, что нас разбудят, когда она придет. Мне за несколько дней до этого минуло 13 лет, но ростом я была со взрослым. Поэтому легко себе представить смятение педогогов обоого пола, когда в комнату, где они сидели, часов в 10 вечера влетела я в одной рубашке, в глубоком сне. Жмурясь от света, я стала спрашивать, какие известия из Москвы? Так и не проснувшись, я была водворена обратно в постель и снова разбужена часом спустя, чтобы пить за здоровье выигравшего Зенита.

Зенит и Виллбурн М., его американский коллега, краса и гордость нашего Лотаревского завода, в разгар его разгрома в 1917 году, были конюхами вывезены из

* Н.В.Плевницкая (1884—1941?) — популярная исполнительница народных песен и романсов, которая много лет спустя была приговорена во Франции к пожизненному тюремному заключению за участие в организации похищения агентами ОГПУ в Париже в 1938 г. белого генерала Миллера.

Лотарева, но задержаны опознавшими их крестьянами. Подверглись ли эти чудесные лошади выкалыванию глаз и тому подобным мучительствам, как в голицынской Зубриловке, или кончили своей смертью, не знаю.

Помимо исторических памятников, театров, музеев и картинных галерей Москва славилась своим чревоугодием. Еда сама по себе не представляла бы особого интереса, если бы не тот факт, что отношение к ней среднего москвича отличалось от отношения любого другого русского человека. Даже в дни, когда нормального здорового человека не занимал вопрос об ограничении себя в еде, количество пищи, потребляемой каждым москвичом, казалось нам, не москвичам, поистине фантастическим. Сами продукты питания представлялись нам особенными: рыба должна быть обязательно гигантских размеров, птица откормлена по особому... Такое изобилие и разнообразие пищевых продуктов на рынках, в витринах магазинов и ресторанах можно было увидеть только в Москве. Когда летом 1917 года меня попросили сопровождать в Москве в качестве переводчика и гида знаменитую английскую политическую деятельницу госпожу Панкхерст¹, она мне сказала, что уже посетила все музеи и частные собрания живописи, все самые интересные храмы, и что теперь ей хотелось бы увидеть что-нибудь такое, что было типичным только для Москвы. Я тут

Патриархальный стиль московских усадеб уходит своими корнями в далекое прошлое. Так, дом бабушки моего мужа княгини Щербатовой в самом центре Москвы со всех сторон был окружен парком с несколькими прудами. И подобную картину можно было увидеть вплоть до начала XX века. В дом постоянно наезжали гости, оставались по своему желанию на любой срок, искренне считая, что они всегда желанны. И чем больше был дом, тем больше туда наезжало гостей. В некоторых домах обеденный стол был накрыт всегда на большее число гостей, чем ожидалось. Самым ярким примером этого баснословного гостеприимства была резиденция графа Сергея Дмитриевича Шереметева, где бы она ни находилась в зависимости от времени года. У него был громадный дом в Москве, дворец в Санкт-Петербурге, а также много загородных усадеб, одной из которых было знаменитое Кусково, расположенное в 15 километрах от Москвы. Одна из невесток графа Шереметева рассказывала мне, что как-то она с детьми остановилась в Кусково и, испугавшись, что они разобьют нечаянно очень редкие старинные кувшины и чашки из китайского фарфора, стоявшие на каждом умывальнике, попросила дворецкого заменить их другими, менее ценными. Когда же она через некоторое время обошла детские, то увидела, что их заменили на старинную посуду из саксонского фарфора, так как посуды из обычного китай-

Москва.
Кремль.
Памятник
Александру II.
1898.
Скульптор
А. М. Опекушин.
Сень и
галерея
художник
Н. В. Жуковский.
инженер
Н. В. Суятонов.
Фото начала
XX века.
Разрушен
в 1918-20 гг.

же отвела ее на самый большой московский рынок. Она поблагодарила меня за мой выбор и сказала, что она никогда ничего подобного в жизни не видела. Как-то я прочла в одной книге о том, что некий русский посетил Париж в XVII веке. Его французский друг за один день показал ему все достопримечательности, в том числе и казнь на Гревской площади. А утром следующего дня они завтракали в таверне на этой же площади прямо напротив виселицы. Они съели три разных супа, несколько блюд из рыбы, четыре из мяса, несколько из дичи и три вида десерта. Русский, оставшись довольным утренней трапезой, тем не менее сказал своему французскому другу после завтрака, что во Франции едят хоть и вкусно, но... мало. Этот русский человек, по всей видимости, мог быть только москвичом.

ского фарфора в доме просто не было. Поскольку Кусково находилось недалеко от Москвы, то летом его осаждали толпы туристов. Таким образом, семья Шереметевых могла проживать там только поздней весной. Когда еще был жив старый граф Шереметев, то в определенный день в году его родственники приезжали из Санкт-Петербурга в Москву, а на следующий день из Москвы в Кусково. И так годы напролет. И ни погода, ни личные капризы — ничто не могло нарушить установившейся традиции.

Последний поворот kaleidoscope... Революция, созыв Государственного совещания в Большом театре. Затем большевистский переворот, уличные бои 1917 года, во время которой экзарх Грузии Платон вел с большевиками переговоры о том, чтобы они не обстреливали Кремль и чтобы члены заседавшего в те дни в Москве Поместного собора присутствовали при

¹ Сильвия Эстелла Панкхерст (1882—1960) — деятель английского движения за политическое равноправие женщин.

занятия церквей во избежание их разгрома. После этого состоялось избрание патриарха, о чем я знаю по рассказу моего мужа, бывшего членом Собора. Наибольшее число голосов получил митрополит Антоний, но избрание производилось из трех кандидатов, получивших большинство. Кандидатура нового патриарха определилась по жребию, его тянул всеми чтимый схимник Алексей из Троице-Сергиевой Лавры. Избранным оказался митрополит Московский Тихон, наш старый друг в бытность его архиепископом Виленским.

В Успенском соборе Московского Кремля по правую и левую стороны от алтаря находятся два высоких помоста, на каждом из которых стояло тронное кресло с шатровым верхом — одно для патриарха, другое для царя. Так уж случилось, что не суждено им было быть занятыми одновременно: вот уже свыше двухсот лет как патриаршество на Руси было упразднено Петром Великим. А когда его восстановили в 1917 году, то уже не было царя.

При встрече с патриархом, которого всегда окружала атмосфера удивительной духовности, люди приветствовали его низким, почти до самой земли поклоном, хотя сам патриарх не был сторонником такой формальности. Как-то я неожиданно встретила его в зале заседаний Собора. Он пошел мне навстречу с расprostертыми объятиями, а когда я попыталась приложиться к его руке, облаченной в фиолетовую перчатку, он поспешно убрал руку, и мы обменялись сердечным рукопожатием. После небольшого разговора он пригласил меня с мужем на чай.

Несколько дней спустя мы отправились в Троице-Сергиеву Лавру, где он обосновался. Сначала патриарх побеседовал с моим мужем, а потом обратился ко мне: «Женщинам, должно быть, ужасно скучно слушать все это. Уверен, что вам, так любящей историю, было бы интереснее посмотреть коллекцию церковных облачений из патриаршей сокровищницы». Он вышел из комнаты и через некоторое время вернулся одетый в темного цвета бархатный до пят саккос, в котором он выглядел очень элегантно. Этот саккос принадлежал митрополиту Филарету, отцу первого царя из династии Романовых, и выглядел совсем как новый, хотя и пролежал в патриаршей ризнице вот уже 300 лет.

Патриарх Тихон пользовался огромным авторитетом. Он с презрением относился к большевистскому руководству, держал себя очень независимо и добился того, чтобы церковь стояла в стороне от политики. Однако когда на страну обрушился красный террор, он без устали мужественно выступал против него. Когда же он понял, что все его призывы и увещевания тщетны, он отлучил от церкви (анафематствовал) Советское правительство в полном составе. Он был единственным первонерархом из всех современных христианских церквей, кто пошел на подобную акцию в наше время.

Безусловно, это не могло приостановить бойню. В первые годы советской власти церковь потеряла сотни епископов, а также от 600 до 800 тысяч представителей низшего духовенства и монашества. Но моральная сила церкви держалась во многом благодаря стойкости самого патриарха.

Мое последнее пребывание в Москве относится к 1918 году.

Я приехала туда из Петербурга через полтора дня после моего освобождения из чекистской тюрьмы, где меня допрашивал сам ужасный Урицкий. Москва не выглядела такой же неопрятной и запущенной, как Петербург. В ней так же, как и в предреволюционные дни, сохранялся контраст между кварталами с великолепными магазинами, современными зданиями и старыми, уютными районами. И все же Москва что-то потеряла от своей былой красочности, как-то посерела. Правда, «лихачи» — знаменитые москов-

ские пролетки на огромных шинах — все еще ездили «с ветерком» по мощеным мостовым, подбрасывая высоко вверх своих пассажиров, большинство среди которых составляли теперь «товарищи», в чьих руках была власть.

Так как я в первое время после революции соблюдала траур по двум погибшим братьям, то в театр не ходила и не видела, как во время спектаклей из зрительного зала раздавались голоса с требованием к актерам пропускать те сцены, которые публике казались скучными. В прежние времена малоимущие тоже посещали театр, но они никогда не выглядели неопрятно. Теперь же грязь в театрах не убиралась, публика выглядела очень неряшливой...

Всего через несколько месяцев после прихода большевиков к власти Москва из города, где царили беззаботность и веселье, поражавшее воображение изобилие всего и раздолье для гурманов, превратилась в осажденную крепость. Словно по мановению волшебной палочки опустели рынки, исчезли с витрин магазинов горы хлеба, сдобных булочек, сладостей, пирогов и т.д. А то немногое, что уцелело, стало не по карману простым смертным. На улицах можно было встретить людей, что называется «кожа да кости», одетых в нищенские лохмотья, и что самое страшное, при этом они не просили милостыню. Другие же смотрели на вас испуганными глазами затравленного животного, что со временем стало обычным явлением.

Закон и право почти утратили всякий смысл. «Милиция», заменившая прежнюю полицию, выглядела очень неопрятной и не внушающей доверия. Правда, обстановка в городе пока еще оставалась относительно спокойной.

Мы с мужем обедали обычно в вегетарианских ресторанах, а ужинали за плату в доме моего кузена. Качество крохотных порций, ежедневно съедаемых в ресторане в течение полугода, что я провела в Москве, все время ухудшалось.

Одним словом, жизнь была нелегкой, но люди, казалось, стали привыкать к новой форме существования. Некоторые радовались, что сумели найти работу, другие давали уроки. Даже сбережения в банке, где мы держали наши ценности, еще оставались нетронутыми. Мир скачек в силу своих специфических особенностей не претерпел каких-либо заметных изменений. Наши беговые лошади всегда приносили нам доход. И теперь, когда у нас отняли наши земли и дома и мы лишились всех источников дохода, они представляли для нас огромную ценность. Мой брат Владимир, который занимался нашим конезаводом, долго и слышать не хотел об отъезде... Но вскоре стал понимать, что далее оставаться в Москве становилось опасно.

Какие еще превращения предстоят городу! Но мне кажется, что Москва устоит лучше других, в силу своих типично русских черт. Вот уж к кому вполне применимо знаменитое бисмарковское «ничего!» Каких бы еще мавзолеев гниющим большевистским правителям ни воздвигали на Красной площади, Москва, судя по фотографиям и по рассказам очевидцев, своего облика не потеряла. Бульжников и узких извозчичьих пролеток «пятилетка» не одолела, сорок сороков церквей при всей большевистской пляске не уничтожишь, траву на запущенных площадях не скосишь. Вот уже 15 лет, как Москву «обделывают», да еще не «обделали». В этом пассивном, инертном сопротивлении есть какое-то величие русского характера, перед которым в бессильной своей злобе пасует и уже спасовала вся интернациональная сатанинская шушера, облепившая Москву.

Каунас. 1932 год

Публикация Г.И. Васильчикова
Перевод с английского и подготовка текста
Б.В. Егорова